

Он осознавал, что они с Янь Юй принадлежали к числу последних.

Фан Хао и Гу Чунь договорились поужинать где-то рядом с его домом. Место в итоге выбирал Гу Чунь, поскольку Фан Хао жаловался на трудности с выбором.

Гу Чунь настаивал на том, чтобы угостить его, но Фан Хао твёрдо стоял на разделении счёта поровну. На самом деле он понимал: раз ты приглашаешь меня сейчас, значит, у этого есть продолжение, а в следующий раз угощать буду я.

Гу Чунь руководствовался самыми добрыми побуждениями и сказал ему:

— В тот день я навел справки о вашей сфере деятельности. Говорят, зарабатываете вы не так уж много, а работа при этом невероятно тяжёлая.

Из уст кого-то другого это могло бы прозвучать бестактно, но Гу Чунь держался очень вежливо. Фан Хао улыбнулся и вовсе не обиделся:

— Мм. Обед-то я себе позволить могу.

К тому же он, судя по всему, отнёсся к делу довольно серьёзно и даже попытался разобраться, чем именно занимаются авиадиспетчеры, чего Фан Хао никак не ожидал.

Гу Чунь не смог его переуспокоить и в итоге согласился разделить счёт.

После ужина они вернулись домой к Фан Хао. Гу Чунь огляделся по сторонам и произнес:

— У вас очень уютно. И правда чувствуется какая-то живая атмосфера.

Квартира Фан Хао находилась рядом с Аэропортом Дасин, поэтому пространства было предостаточно. За последний год с небольшим он постепенно обустраивал жильё, повесив на стену карту — он очень любил карты. И хотя по долгу службы он каждую секунду работал с радиолокационными картами, они ему всё равно не надоедали. За последние месяцы он также проявил и напечатал несколько своих чёрно-белых фотографий; в одном из шкафчиков хранились совместные снимки с родителями и младшим братом, а в другом — коллекция моделей летательных аппаратов. Общий стиль мебели был выдержан в ретро-направлении, или, выражаясь современным языком, в стиле мидсенчури-модерн. Многие предметы обстановки были куплены на барахолках, и в комнатах витал очень тёплый, домашний дух.

Заметив модели летательных аппаратов — от самых разных гражданских авиалайнеров, — Гу Чунь нашёл это занятие забавным:

— Ты коллекционируешь такое?

Фан Хао ответил:

— Угу, начал ещё в университете. Позже из-за работы собирать стало очень удобно, вот коллекция и разрослась.

Гу Чуню это показалось внове, и он взял в руки модель DC-9, а затем поднял EMR-15:

— Это пассажирские самолёты? Я никогда не видел таких крошечных самолётиков в аэропорту.

Фан Хао пояснил:

— В нашей стране пассажиропоток огромный, так что в основном все летают минимум на 737-х. А в Штатах есть немало местных региональных маршрутов, где используются такие маленькие самолёты. Я даже как-то летал на семиместном пассажирском самолёте.

Он кивнул на соседнюю полку и добавил:

— Ты ведь часто ездишь в командировки? Наверняка на многих из этих летал: 737, 747, 777, 787, а еще на Airbus A320, A330...

Глядя на увлечённое лицо Фан Хао, Гу Чунь поймал себя на том, что это его завораживает. Фан Хао смотрел на модели самолётов, а Гу Чунь — на его профиль. Строго говоря, черты лица Фан Хао не казались поразительно яркими: выразительные брови с изломом, одинарные веки, чуть приподнятые уголки глаз, небольшой нос и тонкие губы. Каждая деталь по отдельности выглядела совершенно заурядно, но, соединяясь вместе, они создавали удивительно гармоничное, приятное и располагающее к себе лицо.

Они посмотрели в гостиной половину какого-то европейского артхаусного фильма — неторопливого, нежного и пронизанного юношеской чувственностью. Не досмотрев картину до конца, вторую половину они перенесли в спальню Фан Хао.

Тот вечер Гу Чунь провёл у него, а когда понял, что оставаться на ночь Фан Хао не планирует, распрощался и поехал домой. Оказавшись в машине ровно в одиннадцать, Гу Чунь тяжело вздохнул. Он всегда знал меру.

Фан Хао проводил его взглядом от окна и тоже вздохнул. Он видел, что Гу Чунь к нему равнодушен, но сам пока не испытывал трепета в сердце.

Глава 13. Смена курса

Сегодня в Пекине стоял густой смог, и Фан Хао методично руководил движением в зале

диспетчерского управления.

— Феникс-367, продолжайте набор до 6000 метров, эшелон.

— Стрела-1732, снижение до 2000, давление у земли 1009.

— China Eastern 3536, левый поворот, курс 330, схема вылета ETUDE-01, продолжайте набор до 2400 метров, эшелон, давление у земли 1009.

— Курс 330, ETUDE-01, набор до 2400, давление у земли 1009. China Eastern 3536.

Пилот вышел на связь с задержкой, но Фан Хао услышал по повтору, что и курс, и схема названы верно, поэтому временно переключил внимание на заход на посадку. В этот момент две-три машины плотной чередой заходили на посадку, и он, не отрывая глаз от дисплея, рассчитывал интервалы, распределяя высоты для каждого борта, чтобы гарантировать безопасное и разумное расстояние между всеми типами воздушных судов. Когда же он снова взглянул на экран, этот China Eastern 3536 умудрился повернуть направо!

Судя по всему, полетное задание было истолковано как серия правых разворотов на курс 330.

Голос Фан Хао сорвался на повышенные тона, и он поспешно рявкнул в микрофон:

— China Eastern 3536, немедленно левый поворот! Левый поворот, курс 330.

Вылет из крупных аэропортов строго регламентирован схемами: все выстраиваются в очередь, чтобы сначала пролететь одну точку, а затем направиться к следующей. Он собственными глазами видел, как China Eastern 3536 уходит вправо. И хотя в непосредственной близости других бортов не было, продолжи он лететь в этом направлении еще с полминуты, расстояние до ближайшего лайнера сократилось бы до уровня радиолокационного предупреждения о сближении. Пусть до реального столкновения было еще далеко, само появление такого сигнала считалось грубым нарушением трудовой дисциплины, за которое диспетчерам вполне могло прилететь на орехи.

К счастью, через несколько секунд в наушниках раздался ответ экипажа China Eastern:

— Левый поворот, курс 330, China Eastern 3536. Подтверждаете, что требуется выполнять непрерывный левый разворот?

Фан Хао бросил:

— Верно.

Убедившись через мгновение по радару, что самолет начал левый поворот, он немного успокоился и добавил по каналам связи:

— Вы что, смотрите на карту и всё равно умудряетесь перепутать направления? Опасно до жути, впредь будьте внимательнее и перепроверяйте друг друга.

Экипаж China Eastern тоже осознал всю серьезность ситуации и поспешил оправдаться:

— Пекин, приносим извинения, мы подумали, что нужно продолжать правый поворот на 330.

Если каждый начнет пилотировать самолет так, как ему кажется правильным, воцарится полный хаос. Фан Хао был до предела взбешен:

— Хватит думать за других! В следующий раз озвучивайте свои намерения при повторении команд, а если что-то непонятно — переспрашивайте и уточняйте.

Командир воздушного судна на том конце послушно снес нагоняй и отозвался:

— Вас понял. China Eastern 3536.

Услышав ответ, Фан Хао не стал развивать тему дальше. Будь это борт на заходе на посадку, он бы немедленно вызвал их к себе на командно-диспетчерский пункт для разбирательства. Однако, хорошенько всё обдумав, он вспомнил, что после его указания выполнить левый поворот на курс 330 экипаж China Eastern в своем повторении пропустил фразу левый поворот. Если копать глубоко, ему самому едва ли удалось бы выйти сухим из воды.

Из-за этого инцидента с неверным курсом China Eastern 3536 Фан Хао до конца смены держал себя в руках, не позволяя расслабиться ни на секунду, и к трем часам дня чувствовал себя вымотанным до предела.

Чэнь Цзяюй сегодня совершил два рейса: из Пекина в Шэньчжэнь и обратно из Шэньчжэня в Пекин. Чуть позже четырех часов он уже закончил работу, как раз успев к возвращению Чжэн Сяосюя из Нью-Йорка — тот прилетел даже немного раньше него. Они устроились в аэропортовском ресторане и, заказывая еду, болтали обо всем подряд.

Чжэн Сяосюй с некоторым заминкой начал:

— Слушай, Цзя-гэ, хотел у тебя кое о чем спросить.

По одному только виду Чэнь Цзяюй догадался обо всем:

— На какую стюардессу на этот раз глаз положил?

Пойманный с поличным Чжэн Сяосюй смущенно рассмеялся:

— Да не стюардесса, а... помнишь, в тот день мы ужинали вместе с сестрицей Янь?

Чэнь Цзяюй мгновенно всё понял. Из присутствовавших тогда женщин Лу Янь можно было сразу исключить, а Су Ли оказалась решительной и дерзкой женщиной-командиром, связываться с которой, по мнению Чэнь Цзяюя, у Чжэн Сяосюя не хватило бы духу. Оставалась лишь самая младшая — Чу Ижоу.

— А, малышка Чу? Запал на нее?

Поняв, что дело сдвинулось с мертвой точки, Чжэн Сяосюй поинтересовался:

— У тебя есть ее WeChat? Можешь меня добавить к ней или заодно узнать, есть ли у нее парень?

Чэнь Цзяюй поднял его на смех:

— Сам у нее спроси. Почему в тот день за ужином не поинтересовался?

Чжэн Сяосюй прикрыл лицо рукой:

— Струсил же.

Чэнь Цзяюй не стал над ним измываться и сказал:

— Тогда иди спроси у Лу Янь. Я с малышкой Чу тоже близко не знаком, у меня нет ее WeChat.

Чжэн Сяосюй возразил:

— Да ты же знаешь характер сестрицы Янь, она ведь сразу повернет всё так и побежит первой ей докладывать. Я просто подумал, раз у тебя со всеми хорошие отношения, поможешь мне разузнать.

Среди девчонок царило полное единение, а Лу Янь извечно опекала младших, особенно если речь шла о Чу Ижоу.

Чжэн Сяосюй казался убедительным, и Чэнь Цзяюй согласился:

— Ладно уж. Разузнаю для тебя.

На этом вопрос был вроде бы исчерпан, но Чжэн Сяосюй и не думал уgomониваться и принялся делиться сплетнями дальше:

— Боже мой, вы сегодня всё пропустили! У одного из самолетов China Eastern во время вылета перепутался курс, такая масштабная нелепица вышла.

Чэнь Цзяюй тоже удивился:

— Перепутал направление?

Такую элементарную ошибку, не говоря уже о командире воздушного судна, не должен был совершить ни один пилот, прошедший системную подготовку в лётной школе.

Чжэн Сяосюй подтвердил:

— То-то и оно. Вроде как вместо левого разворота ушли на правый. О чем только командир думал — диспетчер на подходе рассорил его прямо на месте, атмосфера там стояла жутко напряженная.

Уши Чэнь Цзяюя мгновенно уловили суть:

— Кто был на связи?

Чжэн Сяосюй ответил:

— Диспетчер China Eastern, я не знаю. Наверное, кто-то молодой.

Чэнь Цзяюй поправил его:

— Я про диспетчера на подходе.

Подумав, Чжэн Сяосюй протянул:

— Судя по голосу, кажется, наш Фан Хао. Ну и отчитывает же он людей... Цзя-гэ, тебе повезло, что ты не попадал под его раздачу.

Слушая это, Чэнь Цзяюй подумал про себя: с чего ты взялешь, будто я не попадал? Мало того что попадал, так еще и сам когда-то был объектом его разносов.

Не успел он додумать эту мысль — поистине легок на помине, — как Чэнь Цзяюй собственными глазами увидел направляющихся к зданию аэропорта Фан Хао и Чу Ижоу, шедших рядышком.

Он сделал Чжэн Сяосюю знак глазами, а затем окликнул приближающихся.

Из-за сновавших туда-сюда пассажиров те не услышали его окрика. В четыре часа дня в аэропорту стоял самый разгар суеты, так что отсутствие реакции было вполне естественным, и тогда Чэнь Цзяюй повысил голос:

— Фан Хао!

Услышав свое имя посреди толпы, Фан Хао сначала опешил, но быстро сориентировался по направлению звука. Заметив Чэнь Цзяюя и бросив взгляд на Чу Ижоу, он услышал, как та понимающе произнесла:

— Иди, я сама всё куплю, что тебе нужно, и принесу.

<http://bllate.org/book/27721/3365138>